

Театральный фестиваль—это то, что с непривычки ошеломляет изобилием спектаклей, калейдоскопом встреч, неистовостью споров. Феерия, которую творит его величество Театр.

ТЕАТР УЖ ПОЛОН

В Пскове пахнет талым снегом и фиалками. Воды разливаются, улицу не перейти. А театр битком набит. Радостное оживление. Гул голосов.

могли молодые режиссеры подготавливать сцену для внепрограммного спектакля ворованца Натальи Кобут и Александра Калабухова. Можно ли забыть, как петербургский режиссер Григорий Козлов, воскликнув «Молодец!», бросился на сцену к Игорю Ларину после окончания спектакля. Его радость от чужой удачи была столь подлинной и трогательной, любовь к театру столь искренней, что и мне захотелось избежать на подмостки, обнять обоих и сказать: «Спасибо, братцы!».

Фестиваль—не место для завистников. Сальери вы здесь

ПО-ЯПОНСКИ И ПО-КИТАЙСКИ. К НЕМУ И — ОТ НЕГО

Говорят, японцы видят искусство кулера в том, что проявить натуральные свойства

тует материи, которые, по его мнению, трактует Пушкин. Подход этот можно сформулировать так: «Я талантлив, и что бы я ни создал, вы все равно посмотрите будете».

«Моцарт и Сальери» Саратовской академии театральных искусств (режиссер Иван Верховых) построен в ином, шутейном ключе. Авторы спектакля словно прокручивают текст через мясорубку, создают атмосферу озорства. Но при этом дают понять, что Пушкин—сам по себе, а они—сами по себе. Хотя на сцене и дурчатся, но у Пушкина все остается на своих местах, его концепция не переосмысливается. Спектакль выслушивает наше стереотипное восприятие пушкинских слов. Фактически он не о Моцарте и Сальери, а о нас, о том, как мы шаблонно воспринимаем Пушкина. Снимем хрестоматийный лак? Ну что ж, давайте снимем! Послушаем Пушкина неожиданного...

Шампанского! — требует Сальери. Ему приносит бокал шампанского. — Бутылку! — недовольно рывкает Сальери. — Иль перечти... Женимбу? — спрашивает другой персонаж, показывая томик Гоголя. — Фигаро! — отвечает Сальери. После чего его партнер начинает по складам читать газету «Фигаро».

Молодые французы, участники студии Вероники Косенковой сыграли спектакль о Пушкине — милый, грациозный, шальной. И в главного героя, живом и темпераментном Сен-Поле, было что-то от юного поэта. Звучал Пушкин в самых тончайших чувственных нюансах.

Как сказал один из участников фестиваля Александр Чепуров, театр Пушкина начинается там, где Александр Сергеевич поставил точку. Это театр интонации, исследования героями своих страстей. И в этом смысле особенно хорош спектакль Игоря Ларина.

«Я шел к тебе». Это по сути исследование страстей, приведших к грехопадению людей. На фоне мастерски сделанных декораций, изображающих изгнание из рая, идет путешествие из страны в страну, из века в век, переход одного героя в другого.

Существует театр Островского, театр Чехова. Но до сих пор нет театра Пушкина, — говорит Рецетпер. — Чтобы создать такой театр, надо соединить усилия пушкинистов и театральных практиков.

Сам Владимир Рецетпер — филолог и писатель, актер и режиссер — соединяет в своем лице науку и театр. Но остальные участники фестиваля не таковы. Поэтому я ожидал на заседаниях фестивальной творческой лаборатории жарких схваток. И они не заставили себя ждать.

Между тем, на мой взгляд, спектакль «Песни западных славян» получился пушкинским по духу, поскольку его создали исходя из пушкинской концепции. Да, они перелопатили композицию, но от концепции не ушли. Вторглись в самую ее сердцевину, обнажили ее и обнаружили широкий ассоциативный ряд, заставляющий вспомнить обо всех раздорах, которые происходят в славянском мире и на территории России. В этом, думается, и ценность их работы.

Вспомогая, как один из ведущих пушкинистов с улыбочкой позволил себе на заседании фестивальной лаборатории шутку: «Имеет ли право режиссер на то, чтобы преобразовать пушкинский цикл? Имеет право на все, если это хороший режиссер!».

Прошли времена, когда у вызолоченного, облитого патокой Пушкина стояли суровые охранники. Они воспринимали любую попытку неказенного исследования, несанкционированного погружения в текст как посягательство на государственную святыню. Приравнивали его к надругательству над гербом, флагом и гимном, а то и квалифицировали как измену Родине. За новаторский спектакль по Пушкину теперь на Колыму не отправят. А взаимное недоверие, непонимание ученых и практиков театра все же есть. Единственная возможность преодолеть их — пытаться прислушаться друг к другу.

Встречи, столкновения мнений выскажут искру. Искра столь же необходима обоим сторонам, как необходима она двигателю внутреннего сгорания. Есть искра — будет и движение. Движение к обновлению театра, освобождению его от застывших мертвых форм. И к постижению Пушкина.

Пушкин — огромная галактика. А мы лишь пока пытаемся в нее проникнуть, как тот монах на средневековом рисунке, просунувший голову в дыру небесного свода и оторопевший от панорамы Вселенной. Высокое достоинство фестивалей.

Есть упоение в бою...

Кто такой литературовед? — спрашивал известный профессор театрального вуза своих подопечных. — Это человек, который помнит наизусть все «Гамлета», но не знает, как его сыграть.

Не знает, вероятно, оттого, что существуют два типа мышления, которые, как принято считать, находятся в органическом противоречии.

Есть люди, которые занимаются Пушкиным. И есть такие, которые занимаются театром. Каждый печется о своем. Пушкинисту волнует, что делают с Пушкиным на сцене. Театрального же деятеля заботит, как

мое интересное и для художника, и для нас. Что же это за характер, что за душа загадочная, в которой все уместится? Правда филолога, оберегающего текст от надругательства. И правда артиста...

Между тем, на мой взгляд, спектакль «Песни западных славян» получился пушкинским по духу, поскольку его создали исходя из пушкинской концепции. Да, они перелопатили композицию, но от концепции не ушли. Вторглись в самую ее сердцевину, обнажили ее и обнаружили широкий ассоциативный ряд, заставляющий вспомнить обо всех раздорах, которые происходят в славянском мире и на территории России. В этом, думается, и ценность их работы.

Вспомогая, как один из ведущих пушкинистов с улыбочкой позволил себе на заседании фестивальной лаборатории шутку: «Имеет ли право режиссер на то, чтобы преобразовать пушкинский цикл? Имеет право на все, если это хороший режиссер!».

Прошли времена, когда у вызолоченного, облитого патокой Пушкина стояли суровые охранники. Они воспринимали любую попытку неказенного исследования, несанкционированного погружения в текст как посягательство на государственную святыню. Приравнивали его к надругательству над гербом, флагом и гимном, а то и квалифицировали как измену Родине. За новаторский спектакль по Пушкину теперь на Колыму не отправят. А взаимное недоверие, непонимание ученых и практиков театра все же есть. Единственная возможность преодолеть их — пытаться прислушаться друг к другу.

Встречи, столкновения мнений выскажут искру. Искра столь же необходима обоим сторонам, как необходима она двигателю внутреннего сгорания. Есть искра — будет и движение. Движение к обновлению театра, освобождению его от застывших мертвых форм. И к постижению Пушкина.

Пушкин — огромная галактика. А мы лишь пока пытаемся в нее проникнуть, как тот монах на средневековом рисунке, просунувший голову в дыру небесного свода и оторопевший от панорамы Вселенной. Высокое достоинство фестивалей.

● «Моцарт и Сальери» Саратовской академии театральных искусств.

● Алексей Девотченко. «Песни западных славян».

● Игорь Ларин читает «Евгения Онегина».

И ни одного Сальери!

Обмен новостями запросто через спинки кресел.

— А где Ефремов? — Отыграл «Годунова» да и уехал. — А Някрошюс? Някрошюс не приедет, зато труппу свою прислал. Будут играть «Маленькие трагедии».

Театр, некогда купцами построенный, очень уютен и удобовоюшен. Воды разливаются, улицу не перейти. А театр битком набит. Радостное оживление. Гул голосов.

В каждой порядочной кунсткамере, говаривал Сергей Эйзенштейн, есть два черепа Александра Македонского. Один, когда ему было шесть лет, а другой — когда двадцать пять. Не знаю, как с черепами, а вот с живыми Пушкинами во Пскове в этот раз было все в порядке. В ожидании спектакля в креслах передо мной сидели почти рядышком (правда, в разных рядах) два Пушкина. Один тридцатилетний. Другой — маленький бесенок лет тринадцати, которому лицензия дали кличку Француз. Впрочем, он и в самом деле был французом по имени Пьер Сен-Поль, исполнителем главной роли в спектакле французских школьников. А Пушкин во цвете лет — Игорь Ларин из Петербурга. Тот, что великолепно читает «Онегина».

Фестиваль — Пушкинский. И даже не Всероссийский, как объявлено, а международный. Десять театров из двадцати, приславших заявки, стали его участниками. Москва, Петербург, Псков, Барнаул, Ярославль, Красноярск, Воронеж, Саратов, Франция, Литва.

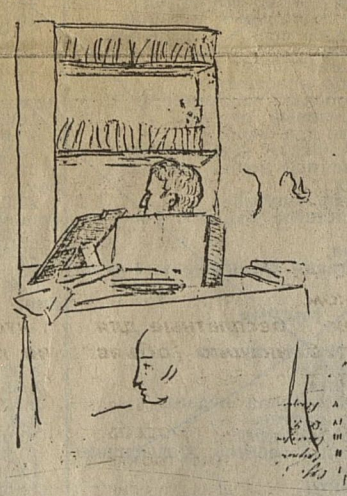
Только здесь, на Пушкинском фестивале, и можно увидеть мирно беседующих Дон Гуанов или двух борзодатых Моцартов в компании Моцарта безборзодатого, оказавшегося под звездоподобом пушкинского слова. К концу фестиваля оно переполняется. Не перенасытилось им дано. Если внимавшие пушкинским строкам, куда-то о плохом невозможности. Когда видишь созданное талантливыми людьми, хочется самому творить.

Атмосфера благожелательности, взаимной признательности, вот что такое пушкинский фестиваль. И еще — искренняя радость по поводу удач коллег. Видели бы вы, как дружно по-

не сыщете. Тут все — Моцарты.

Трогательно заботливыми были местные жители.

Внимание их — от исконного простодушия и хлебосольства. Интерес — от неизбалованности театральных зрелищами. Гордость — именитостью гостей. Подумать только, впервые МХАТ приехал! И приехал с Александром Сергеевичем, которого здесь чтят и считают земляком.

ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, ПУСТЫННЫЙ УГОЛОК...

У Сергея Довлатова в «Заповеднике» некая дама строго говорила, что Пушкина надлежит любить, поскольку он является Солнцем русской поэзии. Избави нас Бог от такой любви. И все же, и все же... С полным основанием могу утверждать, что гостями и хозяевами фестиваля двигала любовь.

В 2 часа 45 минут пополудни, когда перестало биться сердце Пушкина, участники фестиваля, вместе с ними и первые лица областной администрации возложили на его могилу венки, почтили его память минутой молчания. Скорбный звон монастырского колокола. Печальные песнопения монахов. И под пень — серый и сырой денек. Но когда возлагали венки и цветы к могиле, свинцовая пелена облаков над могилой вдруг разорвалась. И в не-

● Участники творческой лаборатории фестиваля.

бе сверкнула яркая голубизна. Слово голубой глаз. Мистика! Глаза у Пушкина были голубые. Из Святогорского монастыря хорошо просматривается район Пушкинских гор. Занятно пройтись по нему, а потом — и тихой дорожкой в Михайловское, встретить ступающих в огромных валенках с галошами мужиков, которые непременно поздороваются первыми. Услышать в тишине мерный скрип сенокоса, повалявшейся на старую ель. Увидеть распахнутые дали полей, озер и лесов и рыбаков на ледяном просторе Сороти.

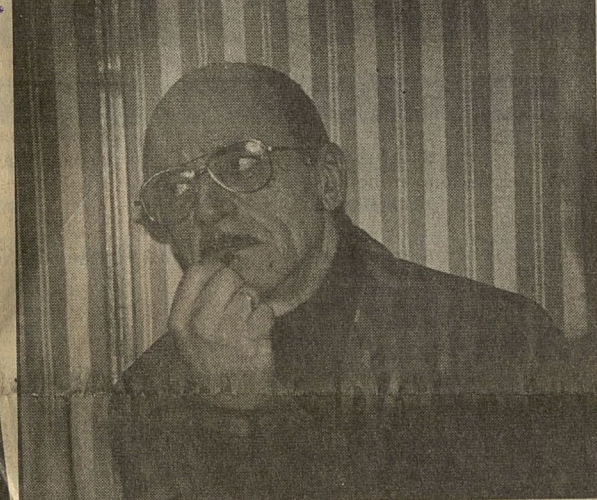
Поток энергии, кажется, тут можно излучается к небу. Воздух словно питает целебной силой. Красота природы — необыкновенная. И этого впечатления не могут отбить ни выстроенные по ранжиру пятиэтажки райцентра, ни огромная гранитная голова Ленина, глядящая на дюралевую доску с надписью «Слава труду!».

Пушкин крепко любил свою «деревню» на Парнасе, мечтал бросить «свинский Петербург» и навсегда поселиться в псковском уединении. Ему здесь хорошо писалось. Около ста произведений, в том числе «Бориса Годунова» и «Евгения

Онегина», создал он тут. Уже зрелым человеком говорил полупутиливо: «Петербург приехала, Москва девичья, деревня же наш кабинет. Порядочный человек по необходимости проходит через переднюю и редко заглядывает в девичью, а сидит у себя в своем кабинете».

Славно сознавать, что при всех сложностях нашей жизни Пушкинские горы — Михайловское, Петровское, Тригорское — живы. И паломников в этих местах по-прежнему много. Глубинную потребность, ведущую сюда людей, Семен Гейченко называл Прививкой Пушкина. Кто эту прививку получил, по-новому смотрит на мир, касается ли это осмысления пушкинских строк или гордости за Россию, или любви к искусству.

Пушкин настолько глубоко заглянул в судьбу человечества, что, и через десятилетия и века, мы встречаем все нового и нового Пушкина. И каждый раз он нам соучастник. И всегда неожиданно глубоко в своей простоте. Приступит к освоению этой бездонной глубины никогда не поздно. Что и попытались сделать участники фестиваля.

продукта. Если уж готовят рыбу — вы почувствуете именно ее вкус и аромат и не спутаете ни с какой другой. Кирпичи же считают главной добродетелью повара приготовления как можно более вкусного кушанья, пусть даже при этом курица и получится похожей на зайца.

Так и в театре. Режиссер — творец. Его право вникнуть в суть текста и донести эту суть до зрителя. Или, оттолкнувшись от текста, создать нечто свое. Спектакли псковского фестиваля продемонстрировали оба эти принципа.

Важным событием стали «Моцарт и Сальери. Дон Гуан. Чума» в постановке Эймунтаса Някрошюса. Пятнадцать минут зрители аплодировали артистам, не отпуская их со сцены. Някрошюс — признанный виртуоз театральной метафоры. Чего стоят, например, зажженные спички, которые словно огненные стрелы летят от Дон Гуана к Доне Анне, от Доне Анны к Дон Гуану в момент их объяснения. Спектакль интеллектуален и в то же время чувствен. Но пушкинский текст в нем — лишь отвратная точка для размышлений Някрошюса. Это не Пушкин. Это — Някрошюс трак-

такль Игоря Ларина. Он читает «Евгения Онегина» тонко, иронично, умно. Лирика в чистом виде у него вынесена за скобки. Ироническая интонация господствует. При этом плоть пушкинского текста сохраняется в своей первоизданности. Как кушанья, пусть даже при этом курица и получится похожей на зайца.

«Превосходный спектакль «Песни западных славян» показан петербуржцем Алексеем Девотченко — актером необыкновенно пластичным, обладающим сильной энергетикой, искусством импровизации.

«Еще один спектакль пушкинского направления — «Маленькие трагедии» и «Русалка», соединенные Владимиром Рецетпером в одной постановке

играют актеры, как это поставлено и осмыслено. Пушкин для него — материал.

«И настал час битвы. Известный пушкиновед С. Фомичев на заседании творческой лаборатории заявил, что артист А. Девотченко и режиссер В. Михельсон обошлись с Пушкиным худо, изменив порядок стихотворений в цикле «Песни западных славян». Тем самым они исказили историческую правду. Потому что в XV веке Босний правил король Фома, а у него был сын Радивой, который начал освободительную войну с турками. А после перестановки стихотворений — попробуй разберись».

Режиссер спектакля не согласился. — Да, — признал он, — мы переставили стихотворения. Но только для того, чтобы сделать более явственным их смысл. Освободительная война? Вот как у Пушкина:

«Перешли мы заповедную речку, стали жечь турецкие деревни...». Значит, никакие это не герои, а бандиты, которые пришли пограбить на чужую территорию!

Пушкин исследовал не последовательность исторических событий, а характер народа. Са-

вала в том, что Пушкин предельно и осмысленно. Пушкин для него — материал.

«И настал час битвы. Известный пушкиновед С. Фомичев на заседании творческой лаборатории заявил, что артист А. Девотченко и режиссер В. Михельсон обошлись с Пушкиным худо, изменив порядок стихотворений в цикле «Песни западных славян». Тем самым они исказили историческую правду. Потому что в XV веке Босний правил король Фома, а у него был сын Радивой, который начал освободительную войну с турками. А после перестановки стихотворений — попробуй разберись».

Режиссер спектакля не согласился. — Да, — признал он, — мы переставили стихотворения. Но только для того, чтобы сделать более явственным их смысл. Освободительная война? Вот как у Пушкина:

«Перешли мы заповедную речку, стали жечь турецкие деревни...». Значит, никакие это не герои, а бандиты, которые пришли пограбить на чужую территорию!

Пушкин исследовал не последовательность исторических событий, а характер народа. Са-

Илья МЕДОВОЙ. Пушкинские горы — Псков. Фото автора.